

Новый летописец и его роль в изучении событий Смутного времени в России

Научный руководитель – Глазьев Владимир Николаевич

Ключников Никита Викторович

Студент (магистр)

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: nikit010501@mail.ru

В XVII в. «Новый летописец» имел огромную популярность среди исторических произведений. А. П. Богданов утверждает, что по полноте фактического материала этот памятник Смуты занимает первое место среди летописей, повестей и сказаний о бурных событиях с конца царствования Ивана Грозного до постановления на патриаршество Филарета в 1619 году [1, с. 127]. В течение долгого времени «Новый летописец» рассматривался как произведение, дающее официальную точку зрения романовского правительства на события Смутного времени и созданное в окружении тогдашнего фактического правителя государства – патриарха Филарета. В «Новом летописце» встречаются такие факты, которые неизвестны авторам других исторических произведений этого времени, что делает данный труд уникальным и повышает ценность «Летописца» как источника по истории России конца XVI-нач. XVII в. Текст «Нового летописца» изобилует множеством мелких подробностей, касающихся абсолютно разных людей, которые действовали в совершенно разных обстоятельствах. Как показал источниковедческий анализ, они оказались близкими людьми царя Михаила Федоровича и его двора и патриарха Филарета в период составления памятника, или же вообще приходились им родственниками [2, с. 378]. По мнению Вовиной-Лебедевой, составители памятника использовали специально по этому случаю приготовленные отписки или же устные свидетельства отдельных лиц о том, в каких событиях они участвовали, поскольку некоторые подробности «Нового летописца» такого рода, что не могли быть известными никому, кроме непосредственных очевидцев. Если в 1630 г. этот фактический материал еще можно было собрать, то уже в 1657-1659 гг. это было сделать достаточно сложно дьякам Записного приказа. Если проанализировать тематику всех глав «Нового летописца», то можно прийти к выводу о том, что их подборка носила в значительной степени тенденциозный характер. Составитель «Летописца» уже знал итоги всего произошедшего в Смутное время, поэтому особо заострял внимание лишь на тех событиях и фактах, которые считал значимыми для собственной персоны и для целей создания «Нового летописца». В своей фундаментальной монографии «Новый летописец: история текста» Вовина-Лебедева аргументированно доказывает связь зафиксированных событий в тексте источника с интересами определенных лиц из состава Государева двора 20-х гг. XVII столетия [2, с. 332]. Если учесть тот факт, что «Новый летописец» излагает официальную точку зрения правительства Романовых на Смутное время (подчеркивая ключевую роль в событиях династии Романовых и их сподвижников и последующей судьбе страны) и написан лицом, близким к царскому двору и церковному кругу патриарха Филарета, то можно сказать о том, что цель написания «Нового летописца» - аргументация и доказательство легитимности прав Романовых на российский престол. Соответственно, задача «Нового летописца» - описать приход к власти новой династии, положившей конец Смутному времени. Тематика глав, посвященных правлению Михаила Федоровича Романова, весьма сходна с царствованием Федора Ивановича. И там, и там достаточно много внимания уделено дипломатическим отношениям, самому царю, церковным явлениям, военным событиям. Автор как бы ненавязчиво проводить

исторические параллели между царствованиями, стремясь показать преемственность династий [3, с. 310]. Необходимо кратко остановиться на «идеологии» памятника. Здесь особое внимание следует уделить советскому историку Л. В. Черепнину, который попытался рассмотреть «идеологию» памятника и выявить оригинальную концепцию Смуты. Провиденциализм в освещении событий, по мнению Черепнина, был характерен не в полной степени составителю «Летописца». Исследователь писал, что автор «Нового летописца» в своем изложении событий конца XVI – начала XVII вв. выступает с целой исторической концепцией, в которой религиозное мировоззрение сочетается с определенной политической тенденцией. Политическое credo автора «Нового летописца», по мнению Черепнина, заключается в апологии абсолютизма [4, с. 83]. Очевидно, что историк преувеличивает. В отношении «Нового летописца» следует говорить о некой политической тенденции в освещении событий недавнего прошлого. В «Новом летописце» происходит переработка идеологических установок применительно к событиям первой трети XVII в. Черепнин видит основную причину Смуты в насильственном пресечении царской династии. Следствие династического кризиса: массовое появление самозванчества, движение социальных низов, открытое вмешательство иностранцев в дела русского государства. Ученый проработал платоновскую модель развития событий эпохи Смуты, которая гласила: изначально была династическая борьба, которая сменилась социальной борьбой и закончилась третьей фазой Смутного времени – национальным движением за православие и православно-абсолютистский режим [4, с. 84]. Столь живучая схема Смуты определяет подход к изучению событий начала XVII в. в дворянской и буржуазной историографии на долгие десятилетия. Некую концепцию Смутного времени в «Новом летописце» пытается найти и Л. Е. Морозова. Однако громкое слово «концепция» в выводах Морозовой сводится к понятию «политическая позиция автора», которая заключалась в том, что законный и праведный царь обеспечивал процветание, мир и тишину. По мнению Морозовой, узурпатор (или же самозванец) ввергал народ в междоусобную кровавую войну, следствием которой являлась разруха и окончательная гибель всего государства. Легитимная же самодержавная власть царя защищала страну от внешних угроз, устанавливала между людьми законный порядок, создавала им условия для спокойного и мирного существования и созидания [3, с. 372]. Можно сказать о том, что составитель памятника уже знал все происходившее в Смуту, а потому заострял внимание лишь на тех событиях, которые отвечали интересам определенных лиц и целям создания «Нового летописца». Мы не можем говорить о концепции Смутного времени в «Новом летописце». Автор произведения излагает лишь определенную собственную политическую позицию, выраженную в монархических идеалах и обосновании легитимности правления новой династии Романовых.

Источники и литература

- 1) Богданов А. П. Тайны Московской Патриархии: Исторические расследования. М., 1998.
- 2) Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.
- 3) Морозова Л. Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000.
- 4) Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 81–128.